

ЗА КАРТОННЫМ ЩИТОМ

Заметки об эстраде

Участники последней программы «Эрмитажа» напоминают гладиаторов, вооруженных картонными щитами. Щиты не просты, а особенные: это, так сказать, заслон от критики. Показывая с воображаемой критикой начини, уже с самого начала — конференсье Амурским Венцом полемического задора является, однако, Утесов, который отражается со своими воображаемыми противниками тоже авансом, и критиком с доблестью, делающей честь любому Дон-Кихоту эстрады. На этом фоне отрядные впечатления производят разве только морские львы, которые горлопотно отдают себя в «лапы» критикующего зрителя и при этом честно и добросовестно делают свое дело.

Все ли, действительно, благополучно в «эрмитажном парстве», если сами участники программы спешат перейти в нападении еще тогда, когда зритель только-только уселся в кресло?

Так или иначе, но в последней программе «Эрмитажа» есть номера, за судьбу которых должны опасаться в первую очередь их исполнители.

Несколько слов о фельетоне Афонина. Номер вызывает решительное недоумение. Неуместно даже здесь говорить о каком-нибудь намеке на сатиру. Дешевое собрание полуанекдотических фраз, лишнее малейших признаков какой-либо политической идеи. Вялые остроты, второсортные юмористические приемы, полное отсутствие единства композиции. При всем том совершенно неизвестно — против чего ополчается Афонин? Где у нас в стране заседают сейчас так, как это пытается представить он в своем фельетоне? Что это за кунсткамера ораторов-вырожденцев, из которых каждый в лучшем случае — дурак, что в них

типичного и какое социальное зло «бичует» он своим выступлением?

Центральным номером программы, или, точнее, афиши, является Утесов. Утесов бесспорно талантлив, но так же несомненно и то, что он не требователен и беспечен в отношении собственного дарования. Он явно не знает, что ему делать со своим талантом, куда его направить, и поэтому очень легко подвержен всякого рода наносным влияниям. Его репертуар очень неустойчив, легковесел, не редко балансирует на грани психической развлекательности.

Утесов тут заявляет о том, что его, как владельца «Музыкального магазина», едва не лишили паспорта. Но «Музыкальный магазин» по сравнению с последней программой — прямо образ сатиры. Беда Утесова в том, что он до сих пор не нашел своего настоящего места на эстраде. Он никак не может творчески осмыслить, и чему обязывает его паспорт советского искусства.

О последней его программе надо сказать прямо, не страпась картонного щита: непонятно, что прельщает в ней даже самого Утесова. Обыкновенный и банальный номер «Конго» — типичный для западноевропейского джаза, или театрализованной романс «Здрасте», перепеваяющий самого Утесова, или, наконец, пародия «Кармен» — одна из тех пародий, какие лет двадцать назад ставило «Кривое зеркало»? Это ведь тоже «надо понимать»...

Мы не отворачиваемся от джаза, но требования наши здесь идут по линии коренной реконструкции этого жанра, по линии полной его перестройки. И совершенно то, что Утесов либо не в состоянии пока этого сделать, либо не хочет этого до конца понять. Трудность задачи здесь ложится на плечи не одного только Утесова. Ответственность за решительный поворот разделяют с ним одновременно и автор текста, и композитор, и режиссер. Именно они должны сыграть в деле поворота всего театрального джаза значительную роль. Но последняя программа Утесова плоха не только тем, что она отравлена западноевропейским баром, или, вернее, его одесской разновидностью, но и потому, что Утесов пытается защищать эту программу.

Никто не собирается напаивать на Утесова монашескую рясу. Но это не значит, что Утесов должен шеголять во фраке, взятом напрокат из буржуазного кабаре.

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ.